

УДК 811.511.131

*Н.В. Кондратьева, А.Ф. Уткина***К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ УДМУРТСКОГО СИНТАКСИСА**

В статье описываются и систематизируются научные исследования, посвященные изучению удмуртского синтаксиса в синхронии и диахронии. Опираясь на особенности развития методологических принципов и установок, предлагается выделить три этапа в истории его изучения. Первый этап (со второй половины XVIII в. по 1851-й г.) характеризуется отсутствием системного подхода к исследованию синтаксического строя языка, недостаточным разграничением сфер морфологии и синтаксиса. Для второго этапа (с 1851 г. по 1939 гг.) характерно более пристальное внимание к синтаксической природе языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке. Однако глубокое научное осмысление удмуртского синтаксиса началось лишь на третьем этапе (с 1939 г. по настоящее время), когда при изучении синтаксических конструкций доминирует структурно-семантический принцип, предусматривающий равное внимание к структуре (строению) синтаксической единицы и тому значению (семантике), которое в ней воплощается.

Ключевые слова: удмуртский язык, финно-угорское языкознание, пермские языки, синтаксис удмуртского языка, история изучения удмуртского языка.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-925-938

В истории изучения и становления синтаксиса удмуртского языка как науки выделяется ряд периодов, отличающихся друг от друга по содержанию, методологии и размаху исследовательских устремлений. Основной целью данной статьи является систематизация научных исследований, посвященных изучению синтаксиса удмуртского языка в контексте развития пермского и финно-угорского языкознания.

Синтаксическая наука в разные периоды развивается с разной степенью интенсивности: появляются новые взгляды, научные идеи, понятия и трактовки. На основе выявленных особенностей научных, методологических принципов и установок можно выделить три этапа в истории изучения синтаксиса удмуртского языка. Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. **Первый этап** (со второй половины XVIII в. по 1851-й г.) характеризуется отсутствием системного подхода к исследованию синтаксического строя удмуртского языка. Особенностью данного периода является также недостаточно четкое разграничение сфер морфологии и синтаксиса. Между тем уже на данном этапе были заложены основы синтаксической теории, формировались общие подходы к описанию и осмыслению как отдельных синтаксических явлений и категорий, так и теории предложения в целом.

Первой работой, систематизирующей грамматику удмуртского языка, является книга «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотсага языка» [31], опубликованная в 1775 г. архиепископом В.Г. Пуцек-Григоровичем. Этот труд имеет важное значение не только с точки зрения зарождения удмуртской письменности, но и для развития удмуртской культуры в целом. Как подчеркивает В.И. Алатырев в предисловии к переизданию данного труда, первая грамматика «посвящена только морфологии. В ней нет разделов фонетики, синтаксиса и орфографии. Но из словоформ, включенных в нее, можно установить определенные фонетические и синтаксические закономерности, действующие в удмуртском языке, а также способы и принципы написания слов» [4, с. 8]. Рассматривая историю изучения гипотактических конструкций в удмуртском языке, А.Ф. Шутов подчеркивает, что в первой грамматике удмуртского языка, еще не затрагивавшей синтаксиса языка, в примечаниях к разделу о местоимениях зафиксировано (одно единственное в грамматике) сложноподчиненное предложение с определительным придаточным предложением, в котором в качестве союзного слова употреблено относительное местоимение: *монЪ тындыдЪ кузмало со сяскайдсЪсе, кудЫд-сЪсе тонЪ аддцидЪ монЪ дынямЪ* 'я тебѣ подарю тѣ цвѣтки, которые ты видѣлЪ у меня' [37, с. 13].

Аналогичная тенденция характерна и для грамматики М. Могилина «Опыт краткой удмуртской грамматики» [19]. Нами было выявлено одно простое предложение в разделе «О спряженіи глаголь»: *соіосъ монé ораскизы* 'они меня обругали' [19, с. 69]. Также в примерах первого и второго спряжений были зафиксированы такие сочетания как: *куке тонъ верасаль* 'ежели ты сказалъ' [19, с.

168]; *ку ми вераллямь?* ‘когда мы говорили?’ [19, с. 169]; *куке ти лестысаль* ‘когда бы вы здѣлали’ [19, с. 174] и т.д.

Определенную роль для изучения удмуртского синтаксиса играют первые значительные по объему удмуртские тексты – переводные Евангелия и Азбуки на сарапульском и глазовском наречиях, изданные в 1847 г. [1; 2; 13; 14], поскольку на их основе можно выявить особенности построения предложений в удмуртском языке. Тем не менее, в конструкциях предложений и деепричастных оборотах в указанных источниках могут присутствовать нарушения порядка слов. Проанализировав тексты оригинала и удмуртских переводов, А.Ф. Шутов отмечает, что «предложения переведены «дословно» с соблюдением порядка слов оригинала, с использованием моделей русских конструкций, с поиском удмуртских калек для русских союзов» [35, с. 216]. Например, *лыктыса но дышетскисьёс доре* ‘и подойдя к ученикам’; *учкыса соос вылэ* ‘посмотрев на них’.

Таким образом, несмотря на то, что в грамматиках XVIII в. отсутствовали описания синтаксической структуры удмуртского языка, первые переводные тексты могут стать источниковой базой для написания исследовательских трудов.

2. *Второй этап* (с 1851 г. по 1939 г.)

Важным этапом для развития удмуртского синтаксиса является научная грамматика Ф.Й. Видеманна, который на основе указанных выше переводных материалов сумел написать подлинно научную грамматику удмуртского языка на немецком языке, используя положения грамматики «Сочинений» 1775-го г., текстовые и лексические материалы. Изучению синтаксиса посвящена третья часть научной грамматики. В ней поднимаются вопросы простых и сложноподчиненных предложений, затрагиваются проблемы порядка слов в удмуртском языке: «In diesem Theile der Grammatik werden wir fast nur noch über den eigentlichen Satzbau etwas nachzufragen und über die Ausdrücke, welche die Sprache für die Satztheile des einfachen Satzes oder die Glieder des zusammengesetzten gebrauchen kann, das Nöthige zusammenzustellen haben, da im Vorhergehenden schon über die Bedeutung, den Gebrauch und die Construction der einzelnen Wortformen an sich Auskunft gegeben ist» [50, с. 267].

В работе «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» впервые выделены типы предложений в удмуртском языке, в том числе нашли отражение подчинительные конструкции исследуемого языка [50, с. 273–277]. В частности, говоря об изъяснительных придаточных предложениях, автор научной грамматики в качестве соединительных элементов рассматривает союзы *что*, *ма* ‘что’, *малы* ‘почему’; также он отмечает, что в ряде случаев указанные союзы могут опускаться: «Dem deutschen ”dass” zur Bildung von Substantivsätzen entspricht am gewöhnlichsten die Conjunction *tschto* oder *ma*, auch *maly* <...> Oeffters fehlen auch diese Conjunctionen, so dass Ober- und Untersatz ohne Abhängigkeits bezeichnung neben einander stehen [50, с. 274]. По мнению ученого, после глаголов, выражающих желание, просьбу, повеление, потребность, исследуемые конструкции функционируют с союзом (по мнению эстонского ученого) *мед* ‘пусть’, благодаря чему высказывание приобретает значение намерения: «Nach den Verben, welche ein Wunnen, Wollen, Bitten, Verlangen, Befehlen, Bedürfen ausdrücken, wird der objective Substantivsatz mit der Conjunction *med* gebildet, und nimmt also die Formen eines Absichtssätzen» [50, с. 274].

Отдельное внимание Ф.Й. Видеманн уделяет предложениям, в которых подчинительная часть выражена косвенным вопросом. По мнению эстонского ученого, изъяснительные предложения могут быть образованы с помощью интеррогативных наречий и местоимений, а также с помощью вопросительного суффикса *a* в структуре подчинительных конструкций. Кроме того в работе поднимается вопрос о разграничении изъяснительных и определительных придаточных предложений: «Zu den Substantivsätzen gehören noch 1) die indirecten Fragesätze, welche mit interrogativen Adverben und Pronomenen oder Fragesuffix *a* gebildet werden, 2) mit Relativen gebildete Sätze, welche sich auf ein weggelassenes Demonstrativbeziehen, welche also ihrer Bedeutung nach zwar eigentlich attributivisch sind, die aber, weil der durch sie näher bestimmte Substantivbegriff fehlt, den substantivirten Adjectiven sich gleich stellen» [50, с. 275].

Интересно отметить, что Ф.Й. Видеманн в качестве «усеченных» форм изъяснительных придаточных предложений рассматривает инфинитивные конструкции и деепричастные обороты на *-тэк*: «Sehr häufig ist neben diesen vollständigen Formen des Substantivsatzes die abgekürzte, wozu theils das dem deutschen Infinitiv hierbei entsprechende dritte Verbalnomen auf *ny* und verneinend auch das Verbaladverb auf *tek* dient» [50, с. 274].

Во второй грамматике Ф.Й. Видеманна «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» [51] впервые в сопоставительном плане рассматривается грамматический строй близкородственных коми и удмуртского языков. Вопросам изучения синтаксиса посвящены §§ 144–156, которые разделены на такие тематические группы как простое предложение, сложные предложения, порядок слов в предложении. Описывая изъяснительные предложения (Substantivsätzen по терминологии Ф.Й. Видеманна), автор разграничивает два типа конструкций, с одной стороны – с предикатом типа *хотеть, желать, требовать, приказывать, просить* и др. (в этом случае в удмуртском языке используется лексема *мед*), с другой – вопросительные предложения с интеррогативными местоимениями и наречиями: «а) Substantivsätze, zu Sätzen erweiterte Subjecte oder Objecte, werden zynächst gebildet mit *myi* (dass, lat, quod), oder, wenn das Object etwas Erstrebtes, Zuerreichendes ist, mit *med* (dass, lat. ut), wie bei der Abhängigkeit von den Zeitwörtern wollen, wünschen, bedürfen, befehlen, verlangen, veranlassen, bitten etc. <...> b) eine zweite Kategorie von Substantivsätzen bilden die indirecten Fragen, wie in anderen Sprachen, mit interrogativen Fürwörtern und Adverben» [51, с. 241–242].

Еще одним зарубежным ученым, который в XIX в. посвятил свою работу описанию фонетического и морфологического строя удмуртского языка является финский исследователь Т.Г. Аминофф. Как следует из названия – «Votjäkin äänne- ja muoto-opin luonnos» [39] – в научном исследовании нет специального раздела, посвященного синтаксису, однако, как и в случае с первыми грамматиками удмуртского языка, данную работу можно использовать как источниковый материал.

С точки зрения изучения диалектного синтаксиса интерес может представлять также публикация текстов произведений удмуртского фольклора «Wotjakilaisia kielinäyteitä» [40], записанных в четырех удмуртских селениях, – на территории распространения двух различных диалектов: казанского (сев. Кукморский говор) и вятского или якушурского (совр. Средневосточные говоры). В работе приведены 145 загадок, 12 заговоров, 4 короткие песни и 1 куриськон кукморских удмуртов, а также 10 сказок и 36 загадок якушур-бодьинских удмуртов в финно-угорской транскрипции на латинской графической основе с параллельным переводом на финский язык [17, с. 16].

Для изучения диалектного синтаксиса могут быть полезны тексты, записанные в «Образцах удмуртской речи» другим финским исследователем – Ю.Й. Вихманном [48; 49]. Как отмечает профессор В.К. Кельмаков, «Ю.Й. Вихманн своими текстовыми и лексикографическими публикациями и уникальным рядом научных исследований внес огромный вклад в разработку удмуртского языкознания» [18, с. 3]. Несмотря на то, что в фокусе исследований финского ученого, как и в других трудах этого времени, не оказались вопросы синтаксиса, его работы, посвященные вопросам исторической фонетики, исторической лексикологии, этимологии, морфологии и диалектологии финно-угорских языков, могут дать дополнительные сведения при изучении отдельных аспектов удмуртского синтаксиса.

В работе Х. Винклера «Der uralaltaische Sprachstamm das Finnische und das Japanische» [53] имеется раздел, посвященный синтаксису удмуртского языка, где он оперирует примерами, взятыми им из текстов Ю. Вихманна. Автор большое внимание уделяет деепричастным, причастным и инфинитивным конструкциям, которые он называет «побочными определениями». Х. Винклер приходит к выводу, что за некоторыми исключениями «...индогерманское союзное придаточное предложение появляется в удмуртском языке равномерно и регулярно в виде включенных в сложноподчиненное предложение побочных определений по типу так называемых абсолютных генитивов, аблативов, аккузативов...» [53, с. 107], например, *so niu uromze derem soto suisa ötisa* [53, с. 107], *pottillam kuum murt šuisa musir – bekteziez* [53, с. 107]. Анализируя вклад ученого в развитие удмуртского языкознания, А.Ф. Шутов подчеркивает, «он [H. Winkler] не придавал должного значения распространенным в удмуртском языке частицам союзного порядка, назвав их союзоподобными и полусоюзами» [37, с. 15].

Другой венгерский исследователь Б. Мункачи в 1885 г. собрал словарный и фольклорно-диалектологический материал на территории распространения почти всех основных территориальных вариантов удмуртского языка. Результатами его поездки стали два издания – сборник фольклорных текстов «Votják népköltészeti haguományok» [44] и диалектологический словарь удмуртского языка «A votják nyelv szótára» [45]. Другая его работа «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» [46] была опубликована уже после смерти автора ученым Д.Р. Фокош-Фуксом, в которой были зафиксированы целый ряд произведений удмуртского фольклора и множество этнографических зарисовок. Данные издания также могут быть полезны в качестве источниковой базы для изучения удмуртского синтаксиса.

Начало XX в. характеризуется изданием значительного количества грамматик удмуртского языка. Но несмотря на то, что еще в середине XIX века Ф.Й. Видеманном были заложены научные основы изучения удмуртского синтаксиса, авторы грамматик 1920–30-х гг. чаще всего уделяли недостаточное внимание изучению вопросов синтаксиса. В частности, в «Краткой грамматике языка народа удмурт» П.П. Глезденева отводится 10 страниц для раздела «Синтаксис. Краткие сведения из синтаксиса языка удмурт». Так, автор описывает особенности словопорядка в удмуртском языке; далее в сопоставительном аспекте приводит описание членов предложения в удмуртском и русском языках [10, с. 45–55]. Важно отметить, что автор разграничивает простые и сложные предложения. Сложные предложения П.П. Глезденев подразделяет на *слитные* (согласно современной терминологии – сложносочиненные) и *придаточные* (согласно современной терминологии – сложноподчиненные) [10, с. 51–52]. Необходимо отметить, что не во всех случаях в приведенных автором примерах предложения являются сложными, например, *Мон нюнялы скалэн валэн сётій* ‘Я старшему брату (дяде) дал по корове и лошади’ [10, с. 52], *Жытаэ-но чукна-но миньям доктор ветлэ* ‘И вечером, и утром к нам ходит доктор’ [10, с. 52]. Среди придаточных предложений исследователь разграничивает следующие группы: определительные, дополнительные, обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа действия, обстоятельства цели, условные предложения, уступительные предложения. Также П.П. Глезденев в разделе «Придаточные предложения» приводит русские примеры, затем переводит их на удмуртский язык, но не приводит примеры сложных предложений с удмуртского языка: *Деревня, в которой я родился, очень красива* ‘Вордцкем гуртэ туж чебер’ [10, с. 53], *Что слышишь, никому не сказывай* ‘Кылэмдэ нокинлы-но эн вера’ [10, с. 53], *Скажи, когда уйдешь* ‘Ку кошкемдэ вера’ [10, с. 53].

В 1924 г. удмуртским ученым, писателем и просветителем Г.Е. Верещагиным было подготовлено «Руководство к изучению вотского языка» [7] (под псевдонимом Удморт). В своей книге автор уделяет всего несколько разделов, посвященных вопросам синтаксиса. Так, в разделе «О частях предложения» [7, с. 148–150] автор описывает функциональную нагрузку определений, дополнений и обстоятельств. Особенности употребления подлежащего и сказуемого описаны в разделе – «Расположение слов» [7, с. 146–148]. Интерес представляет раздел «Предложения» [7, с. 150–152], где удмуртский ученый предлагает выделять следующие типы предложений: простые, сложные, второстепенные, главные, придаточные, полные, сокращенные, вопросительные, восклицательные. *Тылобурдоос лобало* ‘Птицы летают’ [7, с. 150], *Шунды сик-сьоры пуксиз ини* ‘Солнце закатилось уже за лес’ [7, с. 150], *Ку тон быдэстод коркадэ?* ‘Когда ты сделаешь избу (свою)?’ [7, с. 151], *Матйсь мурт кидёке мынэ, кытйсь мар, ужамзэ нокинъ уг адзы* ‘Близкий человек уходит в дальнюю страну, откуда никто, что он делает, не видит’ [7, с. 151]. Как видно из приведенного перечня, автор не разграничивает разные подходы и принципы для группировки разных типов предложений. В работе также поднимаются вопросы постановки знаков препинания, что также имеет отношение к вопросам синтаксиса.

В другой работе Г.Е. Верещагина «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» впервые приводятся отдельные термины, связанные с вопросами синтаксиса, на удмуртском языке [8, с. 159–285]. В частности, для термина предложение автор предлагает понятие *куз’ямкыл* [8, с. 276]; сложное предложение – *суро куз’ямкыл* [8, с. 277], полное предложение – *тыр верам* [8, с. 278], вопросительное предложение – *юась куз’ямкыл* [8, с. 279], главное предложение – *ыджытэз (бадзымез) куз’ямкыл* [8, с. 278], восклицательное предложение – *кортъсь* или *черекъясь* [8, с. 279]. Как видим из указанных примеров, создание терминологии на удмуртском языке требовало пристальных усилий со стороны исследователей, т.к. даже по отношению к дефиниции предложение удмуртским исследователем в разных контекстах приводятся три варианта: *куз’ямкыл*, *верам* и нулевая маркировка (восклицательное предложение – *кортъсь* или *черекъясь* [8, с. 279]).

Терминотворчество в области удмуртской грамматики было продолжено А.И. Главатских в труде «Удмурт грамматика. Морфологи» [9]. Книга написана на удмуртском языке, поэтому для базовых терминов синтаксиса автором предлагаются следующие дефиниции: подлежащее – *бадзымкыл* [9, с. 5], синтаксис – *йыркыл* [9, с. 5], распространенное предложение – *вёлскем веран* [9, с. 8], нераспространенное предложение – *вёлскымтэ веран* [9, с. 8] и др. Однако вопросы, связанные с синтаксисом простого и сложного предложения в работе не рассматриваются. Следует заметить, подобная тенденция – отсутствие разделов по синтаксису характерна для большинства грамматик этого периода, в частности, и в работе А.И. Емельянова «Грамматика вотяцкого языка» [15]. Тем не менее, в грамматике А.И. Емельянова нами зафиксированы множество предложений в разделе «Морфология», например, *ta murt ña-rak*

buskel'losse öt't'sasa veram 'человек этот создавши всех соседей, сказал' [15, с. 71], *ug kä vera iskä acmāos al'i sojä veratom* 'если он не говорит, в таком случае мы заставим его сказать' [15, с. 74], *valdä šuloän än ul'l'a, šezijän ul'l'a* 'не погоняй лошадь бичем, а овсом' [15, с. 115] и т.д.

Анализируя грамматики 1920–30-х гг., можно заметить, что более пристальное внимание исследованию вопросов синтаксиса уделяется С.П. Жуйковым в работе «Основы грамматики удмуртского языка» [16]. В ней он опирается на высказывания Н.Я Марра о значимости синтаксиса и приходит к выводу, что «при разрешении языковых проблем в удмуртском языке мы должны исходить из синтаксиса как из основной части нашего языка, а следовательно и мышления» [16, с. 7]. Как отмечает С.П. Жуйков, лишь проанализировав синтаксис, получится раскрыть семантику того или иного слова, а также его отдельные формы [16, с. 7]. В «Основах грамматики удмуртского языка» С.П. Жуйков большое внимание уделяет синтаксису удмуртского языка, описывая простые и сложные предложения, члены предложений, пунктуационные правила. В своей работе он приводит множество примеров простых предложений: *Вал юэ* 'Лошадь пьет' [16, с. 11], *Калык ужа* 'Народ работает' [16, с. 11], *Яшалы ботинка кулэ ой вал* 'Яше ботинки были не нужны' [16, с. 14], тогда как в разделе «Сложные предложения» можно встретить лишь два примера: *Мон тонэ өти но, нош тон малы өд лыкты?* 'Я тебя позвал, а ты почему не пришел?' [16, с. 28], *Тол ортчиз, тулыс вуиз* 'Зима прошла, настала весна' [16, с. 28]. Однако в разделах «Отрицательные предложения», «Определение», «Предложения с однородными членами», «Знаки препинания при однородных членах», «Вводные слова», «Приложение (вöзан)» встречаются следующие сложные предложения: *Жök лэсьтымтэ, завод быдэ-стымтэ на* 'Стол не сделан, завод еще не доделан' [16, с. 13], *Ударник аслэсьтыз премизэ басьтыны уг быгаты вал но, солы местком юрттйз* 'Ударник не мог забрать свою премию, ему помог местком' [16, с. 14], *Синмо адыми адже, синтэм уг адзы* 'Зрячий человек видит, слепой – нет' [16, с. 15], *Гужем ортчиз но, сйзыл вуиз* 'Лето прошло, и наступила осень' [16, с. 21], *Мон ужай, а тон чыдэтскид* 'Я работал, а ты отдыхал' [16, с. 21], *Азьло Россиын трактор уг лэсьто вал, нош али асьмеос трос трактор поттыны кутским* 'В давнее время в России трактора не делали, а теперь мы сами начали выпускать их' [16, с. 21], *Мон висисько, а тон монэ куаретиськод* 'Я болею, а ты кричишь на меня' [16, с. 22], *Тон туж зеч кырзаны быгатиськод, шуо вал* 'Ты очень хорошо умеешь петь, говорили они' [16, с. 24], *Мон кылзйсько солэсь, шузи, зеч муртлэсь муэн, нош со алдаське вылэм* 'Я слушаю его, глупый, как хорошего человека, а он, оказывается, врет' [16, с. 26]. Не сложно заметить, что в иллюстративном материале отсутствуют сложноподчиненные предложения. По мнению С.П. Жуйкова, сложноподчиненные предложения отсутствуют в художественной литературе, в «оригинальной» и «политической литературе» (за исключением переводной), а также в разговорном языке, поскольку они «находятся в периоде появления» [16, с. 29–30].

Таким образом, для второго периода развития удмуртского синтаксиса (с 1851 г. по 1939-е гг.) характерно более пристальное внимание к синтаксической природе языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке. Но, несмотря на то, что в отечественной лингвистике еще с конца 20-х гг. XIX в. синтаксис активно развивается благодаря работам Н.И. Греча, А.Х. Востокова, К.С. Аксакова, И.И. Давыдова, позднее – Ф.И. Буслаева и А.А. Потемни и др., а также обретает самостоятельный статус и выделяется как отдельная наука, в удмуртской лингвистике серьезные научные исследования в области синтаксиса начались только во второй половине XX в.

3. Третий этап (с 1939 г. по настоящее время)

Большой вклад в исследование синтаксиса удмуртского языка внес удмуртский ученый-исследователь П.Н. Перевошиков. Он впервые подробно рассмотрел сложноподчиненные предложения, деепричастные и некоторые другие конструкции, особенности функционирования подчинительных союзов, влияние русского языка на грамматический строй удмуртского языка и др. [20–25]. Изучение данных вопросов позволило ему опубликовать работу под названием «Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке» [20]. В ней ученый подробно описывает способы построения сложноподчиненных предложений, включая такие предложения, как: *Кытын Москва шур Окае усе, отын Коломна город сылэ* 'Где река Москва впадает в Оку, там стоит город Коломна' [20, с. 11], *Соиз ик врач, кудйз ветлйз командир доры, лечить кариз монэ но* 'Тот же врач, который приходил к командиру, лечил и меня' [20, с. 15], *Вотасько, будто тие быдэс толэзьлы отпуске бертэм* 'Вижу сон, будто мой сын на целый месяц приехал домой в отпуск' [20, с. 19], *Нюлэскын писту тужу но – бадярлэсь вожез чик өвöl* 'В лесу очень много деревьев – зеленее клена совсем нет' [20, с. 38]; виды придаточных предложений (придаточные предложения и сказуемые (*Кин татын ужа, каждоез*

жытазе рабфакын дышетске ‘Кто здесь работает, каждый учится вечером на рабфаке’ [20, с. 48], *Кыче ке ужамед, уждуныз но сыче ик* ‘Какова твоя работа и зарплата такова’ [20, с. 50]), определительные (*Соос лыктйзы сыче гуртысь, кытын егитьёс ваньзы комсомолецъёс луо* ‘Они прибыли из такой деревни, где все молодые являются комсомольцами’ [20, с. 52]), дополнительные (*Собрание жытазе луоз шуыса, милем ялйзы ини* ‘Нам уже объявили, что вечером будет собрание’ [20, с. 54]) и обстоятельственные придаточные предложения: образа действия (*Озы лэсты, кызы мастер возматйз* ‘Так сделай, как мастер показал’ [20, с. 57]), места (*Кытчыозь ветлйз нырысетй экспедиция, ми но отчыозь ик туэ вуыны быгатйм* ‘Куда доходила первая экспедиция, и мы туда же смогли добраться ныне’ [20, с. 59]), времени (*Корка нырыны гинэ вуи, соку ик тыл кысйз* ‘Только успел войти в дом, тогда же потух огонь’ [20, с. 59]), причины (*Чужна ик од лыкты бере, мон ой ни виты тонэ* ‘Раз не пришел утром же, я тебя не дождал’ [20, с. 60]), цели (*Заводэ ужаны мед пыроз шуыса, келям вал пиме гуртысь* ‘Отправил из деревни сына, чтобы он поступил работать на завод’ [20, с. 62]), условные (*Аналскид ке, ымад вуэм пуньед но секыт потоз* ‘Если заленишься, даже ложка, поднесенная ко рту, покажется тяжелой’ [20, с. 63]), уступительные (*Гырпум матын ке но, куртчыны уг луы* ‘Локоть близок, да укусить нельзя’ [20, с. 65]), следствия (*Жытазе кенжем гидкуа сокем лек сутскиз, что бакчаын мертэм емышьёс куасьмызы* ‘Вечером загоревшееся строение настолько сильно горело, что посаженные в огороде овощи посохли’ [20, с. 66]), а также касается параллельных конструкций – простых предложений с отглагольными оборотами (*Трамвай вырзыку, азыпалтймы ик автомобиль ортчиз* ‘Когда тронулся трамвай, перед нами проскочил автомобиль’ [20, с. 71], *Ваньзэ саранчаез быдтыны понна, специальной отряд кылдытэмын вал* ‘Для истребления всей саранчи был создан специальный отряд’ [20, с. 72]).

П.Н. Перовщиков отмечает, что «вопрос о сложноподчиненных предложениях имеет исключительно важное значение, ибо разрешение его органически связано с развитием удмуртского литературного языка, удмуртской письменности» [20, с. 8]. Удмуртский исследователь также исследовал происхождение и семантическую нагрузку союзов *шуыса, бере, дыръя* в работе «Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов *шуыса, бере, дыръя*» [21].

В работе «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке», опубликованной в 1959 году, ученый подробно рассматривает деепричастные словосочетания – конструкции деепричастий с зависимыми именами существительными с послелогоми и без послелогов, историю образования этих конструкций, показывает расположение их в распространенных предложениях, например: *Тракторлэн рулез борды кутскыкуз, со шумпотонэн пачылмиз* ‘Взявшись за руль трактора, он очень сильно обрадовался’ [25, с. 135], *Одйгез солдат, вал вылысьтыз васькыса, шур пала мынйз* ‘Один из солдат, соскочив со своей лошади, направился к реке’ [25, с. 139], *Көня ке нунал улыса, Лиза кошкиз* ‘Прожив несколько дней, Лиза уехала’ [25, с. 236]. В другой работе о переходных конструкциях П. Н. Перовщиков рассматривает конструкции переходного типа, которые можно интерпретировать и как придаточное предложение, и как оборот, например: *Жичы мукет нюлэскы кошкем бере, луд кеч атасэз отем но соос чош улыны кутскилям* ‘После того, как лиса ушла в другой лес, заяц позвал петуха, и они начали вместе жить’ [24, с. 175]; также ученый впервые разработал основные средства передачи чужой речи – прямую и косвенную речь, диалог.

Происхождение субъектных деепричастных конструкций П.Н. Перовщиков возводит к определительным словосочетаниям имен; в отличие от него, другой ученый, также исследовавший синтаксис удмуртского языка – В.И. Алатырев – в своей работе о субъектных деепричастных конструкциях удмуртского языка считает такие конструкции не оборотами в составе простого предложения, а придаточными предложениями в составе синтаксического сложноподчиненного предложения. Ученый доказывает это следующими примерами: *Мон нюлэскы ветлытозь, Иванов ужзэ быдэстэм* ‘Пока я ездил в лес, Иванов завершил свою работу’ [3, с. 59], *Мон чорыганы мыныкум, тй мыным кесяскиды...* ‘Когда я шел рыбачить, вы мне кричали’ [3, с. 60]. Он исходит из гипотезы о том, что деепричастия когда-то «свободно выступали в роли самостоятельных сказуемых и выражали предикативность» [3, с. 54–55].

К изучению синтаксиса обратился также удмуртский ученый М.Н. Булычев в работе «Порядок слов в удмуртском простом предложении» [6]. В своей работе М.Н. Булычев опирается на собранный фольклорный материал Ю.Й. Вихманна, а также берет за основу газеты и журналы того периода. Как отмечает Ф.Ф. Советкин, он недостаточно привлекает материал из переводных текстов, которые «расширили бы базу его суждений и могли бы наглядно показать влияние русского языка на строй

удмуртского предложения в современном литературном языке» [6, с. 3]. М.Н. Булычев в своей работе не рассматривает отдельно члены предложения и занимаемые ими места в предложении. Его интересуют соотношения и взаимное расположение членов предложения по определённым группам – центрам. В анализе М.Н. Булычева простое предложение выступает, прежде всего, как двухсоставное предложение, в основе которого лежат два центра – центр подлежащего и центр сказуемого. Каждая из этих групп слов, концентрирующихся около подлежащего или сказуемого, замыкается соответственно подлежащим или сказуемым, например: *Сютэм кион лылы но шумпотэ* ‘Голодный волк и кости радуется’ [6, с. 30], *Гондыр соглаш луэм* ‘Медведь согласился’ [6, с. 38]. Весь свой дальнейший анализ автор строит также по центрам: а) подлежащее – сказуемое (*Петырен Иванэн чошатскыса ужало* ‘Пётр вместе с Иваном соревнуясь работают’ [6, с. 39]), б) определение – определяемое (*Начар гуртьёсты Пугачёв жаляз* ‘Бедные деревни Пугачёв пожалел’ [6, с. 45], *Корт липет кемагес чида* ‘Железная крыша дольше терпит’ [6, с. 46]), в) дополнение, обстоятельство – управляющий глагол (*Мон тыныд уксё сёто* ‘Я тебе деньги дам’ [6, с. 53], *Со корказ кёлыны курысь кем* ‘Он в его дом попросился переночевать’ [6, с. 56]). При этом особое место в предложении он отводит центру «определение – определяемое», рассматривая этот центр, как известную норму, по которой построено всякое простое предложение. Вопрос о порядке слов исследуется М.Н. Булычевым в историческом разрезе, с показом генезиса взаимно зависимых членов предложения. Подобный метод исследования членов удмуртского предложения и генезиса их позиций является первым опытом в удмуртском и даже в финно-угорском языкознании [6, с. 4].

Научные достижения предыдущих лет были структурированы в фундаментальном исследовании по синтаксису удмуртского языка «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» под редакцией В.И. Алатырева [11]. В ней впервые обстоятельно рассмотрены главные члены предложения и несколько сжато – второстепенные члены предложения. Также в работе исследуются типы односоставных предложений (бесподлежащие односоставные: определённо-личные (*Ву вайд но библиотекае мынод* ‘Принесешь воды и пойдешь в библиотеку’ [11, с. 185]), неопределённо-личные (*Гожъяськыны но йёназ дышетіллямтэ* ‘И писать по-настоящему не научили’ [11, с. 189]), обобщенно-личные (*Толлы гужем дасясько* ‘К зиме готовятся летом’ [11, с. 193]), безличные предложения (*Зоре* ‘Дождь идет’ [11, с. 198]); бессказуемые: номинативные (*Гужем. Арня нунал. Чукна* ‘Лето. Воскресенье. Утро’ [11, с. 208]), полное и неполное (*Кёня ке дыр ортыса, Леночка коркась потіз* ‘Через некоторое время Леночка выбежала из дома’ [11, с. 212], *Крезен шудыны* ‘Играть на гуслях’ [11, с. 212]), нечленимые предложения (*Ничего, мон кутісько!* ‘Ничего, я воздержусь!’ [11, с. 216])). Подробно рассмотрены однородные члены предложения, вводные слова, обращение. Но авторам не удалось полностью раскрыть все пункты, касающиеся синтаксиса простого предложения, а именно: слабо разработан вопрос о словосочетаниях, содержание их раскрыто не в полной мере; недостаточно полно раскрыты типы предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные). Р.И. Яшина подчеркивает, что отсутствуют вопросы, касающиеся рассмотрения закономерностей словорасположения в предложении, морфологизованных и неморфологизованных второстепенных членов предложения, соотношения словосочетаний и второстепенных членов предложения, стилистической дифференциации всех видов простых предложений [38, с. 140–142]. Также стоит отметить отсутствие раздела об обособлении (предложения с обособленными второстепенными членами, с обособленными оборотами).

В научной грамматике, посвященной изучению синтаксиса сложного предложения [12], впервые с учетом структурно-семантического принципа проанализированы основные типы сложных предложений (сложносочиненные (*Пыд улысьтыз улвай тачыртіз но, лось чацае пыриз* ‘Под ногами треснули сучья, и лось зашел в чашу’ [12, с. 9]), сложноподчиненные (*Нуналлы быдэ Марина адзыліз, кызы нильёс дэмен потазы колхоз уже* ‘Ежедневно Марина видела, как девушки вместе выходили на работу в колхоз’ [12, с. 41]) и бессоюзные (*Син кышка, ки лэсьтэ* ‘Глаза боятся, руки делают’ [12, с. 111])), а также способы передачи чужой речи (прямая и косвенная речь, несобственно-прямая речь, непосредственное включение и диалог). Среди недостатков данного издания ученые отмечают следующие: специфика удмуртских сложных предложений отражена неполно, порядок следования компонентов сложносочиненного предложения не показан, также не разработаны синтаксические конструкции с присоединительными отношениями [38, с. 142].

Вопросы удмуртского синтаксиса раскрываются в работах удмуртского исследователя А.Ф. Шутова, автора более 80 научных работ. В своей кандидатской диссертации «Абсолютные обороты в уд-

муртском языке» [34] А.Ф. Шутов на большом фактическом материале убедительно доказал, что деепричастные конструкции представляют собой абсолютные обороты и относятся к составу простого предложения. Другая его известная и важная для удмуртского синтаксиса работа была опубликована в 1999 г. под названием «Гипотаксис в удмуртском языке» [36]. В ней подробно рассматриваются основные моменты развития гипотактических отношений в удмуртском языке, приводятся типы конструкций с неличными формами глагола и другими словами, объясняется их происхождение. Данная работа легла в основу докторской диссертации «Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке» [37]. Как отмечает А.Ф. Шутов, уникальной особенностью синтаксиса современного удмуртского языка заключается в том, что «в нем в богатом разнообразии сосуществуют параллельно и те, и другие разновидности гипотактических конструкций. С одной стороны, в языке часто используются конструкции с инфинитивными формами глагола. С другой стороны, в удмуртском языке широкое развитие получили сложноподчиненные предложения русского типа с союзными словами и подчинительными союзами. Однако и среди последних выделяются нехарактерные для русского языка придаточные предложения с постпозитивными союзами» [37, с. 12]. Продолжая работы, посвященные изучению языковых контактов на уровне синтаксиса [26; 43, с. 1–77; 47, с. 154–160], докторская диссертация А.Ф. Шутова содержит целый раздел «Вопрос о синтаксических заимствованиях» [37, с. 214–224].

Изучению сложноподчиненных предложений удмуртского языка посвящен цикл работ Н.Н. Тимерхановой, которая в 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках» [32; 33].

Проблемы смыслового и грамматического согласования субъекта предложения и предиката/предикатива, вопросы словопорядка в пермских языках поднимаются в монографии финского исследователя Р. Бартенс «Permiläisten kielten rakenne ja kehitys» [42]. Опираясь на результаты исследований Марии Вилкуна, Райя Бартенс отмечает, что удмуртский язык относится к SOV-языкам, а коми язык – к SVO-языкам. В качестве доказательства данного утверждения финский исследователь приводит статистические данные: так, в удмуртском языке доля предложений типа SXV (подлежащее – второстепенные члены (кроме объекта) – сказуемое) составляет 53,8 %, тогда как доля предложений типа SVX – 9,1 %. Данная тенденция характерна для SOV-языков, поскольку в этом случае фокус (или грамматическая категория, которая определяет, какая часть предложения вносит новую, неизведанную или контрастирующую информацию) располагается перед вербальной единицей: «SOV-kielten ominaisuus sijoittaa uusi informatio tai fokus verbin eteen näkyu udmurtin vahvasta frekvenssiluvusta» [42, с. 343]. В отличие от удмуртского языка, в коми языке доля предложений типа SXV составляет 19,4 %, тогда как доля предложений типа SVX – 50 %.

Современный взгляд на синтаксис удмуртского языка представлен в монографии немецкого ученого Э. Винклера «Udmurtische Grammatik» [52]. В части, посвященной описанию синтаксических особенностей исследуемого языка, исследователь выделяет такие разделы как: основные типы предложений, типы предложений по цели высказывания, простое предложение, сложные предложения. Несмотря на традиционный подход в структурировании материала, немецкий ученый предлагает новую классификацию отдельных синтаксических единиц. В частности, при описании типов предложений по цели высказывания Э. Винклер выделяет развернутые вопросительные (Entscheidungsfragen), замкнутые вопросительные (Ergänzungsfragen), повелительные (Imperativsatz), оптативные (Wunschsatz), экскламативные (Exclamativsatz) предложения [52, с. 145–149].

Анализируя научные исследования третьего этапа истории изучения синтаксиса удмуртского языка, необходимо уделить отдельное внимание трудам, в которых синтаксические явления пермских языков рассматриваются в диахроническом аспекте. В частности, некоторые основные древние черты синтаксиса коми и удмуртского языков освещены в статьях Б.А. Серебренникова [29, с. 101–106; 30, с. 116–123]. Академик полагает, что в современном удмуртском языке «происходит борьба двух синтаксических систем разных типов. Преобладающей является старая система тюрко-татарского типа, свойственная финно-угорскому праязыку. Но она постепенно разрушается благодаря влиянию русского языка» [30, с. 122]. В работах ученого показываются основные закономерности развития синтаксического строя древнеудмуртского языка как синтаксиса тюрко-татарского типа, которые со временем под влиянием русского языка постепенно приобретают элементы другой синтаксической системы.

Вопросы развития синтаксиса пермских языков рассматривает В.В. Понарядов в своей диссертации «Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении: Простое пред-

ложение» [27], позднее изданная в виде монографии. В ней коми исследователь подчеркивает: «удмуртский словопорядок, в общем, и сейчас в основном сохраняет прауральский облик. Причиной этому, очевидно, не только меньшее воздействие на него русского языка, но и «консервирующее» влияние соседних тюркских языков (татарского и чувашского), типологически близких к прауральскому» [28, с. 93]. При этом ученый отмечает, что «удмуртский словопорядок вовсе не идентичен прауральскому и, вероятно, больше отличается от него, чем словопорядок почти всех современных алтайских языков, а из уральских – самодийских и обско-угорских. В частности, очень заметны отличия в построении вопросительных предложений, хотя удмуртский, как и коми, допускает наряду с новыми и древние модели» [28, с. 93].

Актуальные проблемы словопорядка в системе современного удмуртского языка отражены в исследованиях Эрики Асталаш. В частности, венгерский исследователь описывает позиции сфокусированного объекта в удмуртском языке [5]. По мнению ученого, сфокусированный объект в исследуемом языке (элемент предложения, находящийся под логическим ударением и выступающий в роли объекта) не всегда занимает фокус-позиции (непосредственно перед глаголом в стандартной языковой ситуации и в конце предложения – в нестандартных случаях). Для определенной категории носителей удмуртского языка допустимо расположение фокуса и в других позициях [5, с. 7]. Для определения места информационного фокуса, а также позиции контрастного фокуса респондентам были предложены следующие примеры предложений: *Мар Тi толон нуназе сииды?* ‘Что Вы вчера ели на обед?’ [5, с. 8], *Кудзэ Тi золгес яратiськоды: перепечез яке табанез?* ‘Что Вы любите больше: перепечи или табани?’ [5, с. 8] и т.д. В результате исследования венгерский лингвист приходит к выводу, что сфокусированный объект в удмуртском языке обычно расположен непосредственно перед глаголом. В то же время некоторые из респондентов посчитали верными и те примеры, где сфокусированный объект расположен перед топиком или между двумя топиками, а также непосредственно после глагола. Свои научные результаты Эрика Асталаш представила в докторской диссертации «Szórendi típusváltás az udmurt nyelvbен» [41], в которой актуализируется влияние экстра- и интралингвистических факторов на изменение порядка слов в предложении удмуртского языка.

Несмотря на относительно долгий путь своего развития, удмуртский синтаксис требует новых научных изысканий. Генерирование новых знаний, поступательное развитие научно-методологического аппарата мировой лингвистики формируют новые вызовы для осмысления синтаксического строя удмуртского языка. В частности, это могут быть изучение удмуртского синтаксиса в коммуникативном или диахроническом аспекте, использование методов корпусной лингвистики при изучении синтаксических категорий, выявление межкатегориальных связей внутри предложения/предложений и др. Выделенные аспекты не исчерпывают всего многообразия существующих подходов к изучению синтаксических единиц, возможно и появление новых направлений исследования, которые позволят с новых позиций дать анализ каких-либо свойств единиц удмуртского синтаксиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбука Гл. 1847 – Азбука, составленная изъ Россiйскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученiя вотскихъ дѣтей чтенiю на ихъ нарѣчii (По Глазовскому). Казань, 1847. 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. Текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 387–558].
2. Азбука Сар. 1847 – Азбука, составленная изъ Россiйскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученiя вотскихъ дѣтей чтенiю на ихъ нарѣчii (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. Текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 249–439].
3. Алатырев В.И. Субъектная деепричастная конструкция и ее происхождение // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 53–68.
4. Алатырев В.И. Введение // Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 13–15.
5. Асталаш Э.Е. Позиции сфокусированного объекта в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2012. №4. С. 7–12.
6. Булычев М.Н. Порядок слов в удмуртском предложении / под ред. и с предисловием проф. Ф.Ф. Советкина. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. 86 с.
7. Верещагин Г.Е. Руководство к изучению вотского языка. Ижевск: «Удкнига», 1924. 120 с.
8. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию. Ижевск, 2002. 291 с.
9. Главатских А.И. Удмурт грамматика: шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. 1-тй лукет: Морфология.

- Ижкар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. 94 с.
10. Глезденев П.П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.
  11. ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970. 252 с.
  12. ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974. 168 с.
  13. Еванг. Гл. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матфея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань. 138 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. Текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 13–386].
  14. Еванг. Сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матфея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань. 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. Текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. С. 11–248].
  15. Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. Л: Изд-во Ленинград. Вост. Ин-та, 1927. 160 с.
  16. Жуйков С.П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 48 с.
  17. Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с.
  18. Кельмаков В.К. Предисловие // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сборник статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 3–6.
  19. Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с.
  20. Перевошиков П.Н. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке. Ижевск, 1939. 75 с.
  21. Перевошиков П.Н. Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов шуса, бере, дыръя. М. 1946. 221 с.
  22. Перевошиков П.Н. Прямая и косвенная речь в удмуртском языке // Записки УдНИИ. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 155–192.
  23. Перевошиков П.Н. О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке // Вопросы языкознания. Ижевск, 1952. № 26. С. 103–119.
  24. Перевошиков П.Н. Переходные конструкции в удмуртском языке и знаки препинания в предложениях с этими конструкциями // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 170–176.
  25. Перевошиков П.Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 328 с.
  26. Перевошиков П.Н. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963. 33 с.
  27. Понарядов В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении: Простое предложение: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Сыктывкар, 2001. 179 с.
  28. Понарядов В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2010. 120 с.
  29. Серебренников Б.А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми // СФУ. 1967. № 2 (III). С. 101–106.
  30. Серебренников Б.А. Синтаксис древнеудмуртского языка синтаксис тюрко-татарского типа // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей. Устинов, 1986. С. 116–123.
  31. Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Санктпетербургѣ, 1775. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. С 3–15 + 113 + 17].
  32. Тимерханова Н.Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 1998. 25 с.
  33. Тимерханова Н.Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 1998. 203 с.
  34. Шутов А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: АН СССР, Ин-т языкознания, 1979. 21 с.
  35. Шутов А.Ф. Первым удмуртским книгам – 150 лет // *Linguistica Uralica*. Т. 33, № 3. 1997. С. 214–217.
  36. Шутов А.Ф. Гипотаксис в удмуртском языке: пособие для студентов по синтаксису. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. 101 с.
  37. Шутов А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02. Ижевск, 2002. 305 с.
  38. Яшина Р.И. Изучение синтаксиса удмуртского языка в советский период // СФУ XIII. № 2. 1977. С. 138–143.
  39. Aminoff T.G. *Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1896. Vol. 14/2. S. 1–48.
  40. Aminoff T.G. *Votjakilaisia kielinäytteitä* // *JSFOu*. (Helsinki) 1886. S. 32–55.

41. Asztalos E.E. Szórendi típusváltás az udmurt nyelvben. Doctori disszertáció. Budapest, 2018. 231 Ol.
42. Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne. Helsinki, 2000. 372 s.
43. Веке Ö. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugischer Sprachen // KSz. 1914–1915. XV. S. 1–77.
44. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1887. 351 Ol.
45. Munkácsi B. A votják nyelv szótára: Lexicon linguae Votiacorum. Budapest, 1896. 836 Ol.
46. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Votjaken. MSFOu 102. Herausgeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952. 715 s.
47. Redei K. Russische Einflüsse in den permischen Syntax // Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. Göttingen. 1969. S. 154–160.
48. Wichmann Y. Votjakische Sprachproben, I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. XX, 199 s.
49. Wichmann Y. Votjakische Sprachproben, II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. JSFOu. Helsingfors. 1901. IV, 48 s.
50. Wiedemann F.J. Grammatik der votjakischen Sprache nebst einem kleinen votjakisch-deutschen und deutsch votjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 s.
51. Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Votjakischen. SPb, 1884. 255 s.
52. Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011. 181 s.
53. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, F. Dümmler, 1909. 316 s.

Поступила в редакцию 13.02.2021

Кондратьева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и финно-угорского языкознания
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Уткина Александра Филипповна, младший научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН»
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: sandra199608@rambler.ru

N.V. Kondrat'eva, A.F. Utkina

TO THE HISTORY OF STUDYING THE UDMURT SYNTAX

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-925-938

The article describes and systematizes scientific research devoted to the study of the Udmurt syntax in synchrony and diachrony. Based on the peculiarities of the methodological principles and attitudes' development, it is proposed to distinguish three stages in the history of studying the syntax of the Udmurt language. The first stage (from the second half of the 18th century to 1851) is characterized by the absence of a systematic approach to the study of the syntactic structure of the language, insufficient delimitation of the spheres of morphology and syntax. The second stage (from 1851 to 1939) is characterized by a closer attention to the syntactic nature of linguistic phenomena, as well as to the development of terminology in the Udmurt language. However, a deep scientific understanding of the Udmurt syntax began only at the third stage (from 1939 to the present), when the structural-semantic principle dominates in the study of syntactic constructions, providing for equal attention to the structure (construction) of a syntactic unit and the meaning (semantics) that it is embodied in it.

Keywords: the Udmurt language, Finno-Ugric linguistics, Perm languages, syntax of the Udmurt language, history of studying the Udmurt language.

REFERENCES

1. Azbuka Gl. – Azbuka, sostavlen'naya iz Rossijskich, cerkovnoj i grazhdanskoj pečati, bukv, dlya obucheniya votskih dčtej chteniyu na ih narčchii (Po Glazovskomu) [The ABC, made up of Russian, church and civil press, for teaching Votsk children to read their dialect (According to Glazovsky)]. Kazan', 1847. 174 s. In: Pervye pečatnye knigi na udmurtskom yazyke: Glazovskoe narechie [The first printed books in the Udmurt language: Glazov dialect]. Izhevsk, 2003. S. 387–558. (In Russian and in Udmurt).
2. Azbuka Sar. – Azbuka, sostavlen'naya iz Rossijskich, cerkovnoj i grazhdanskoj pečati, bukv, dlya obucheniya

- votskih dĕtej chteniyu na ih narĕchii (Po Sarapul'skomu) [The ABC, made up of Russian, church and civil press, for teaching Votsk children to read their dialect (According to Sarapulsky)]. Kazan', 1847. 192 s. In: Pervye pechatnye knigi na udmurtskom yazyke: Glazovskoe narechie [The first printed books in the Udmurt language: Glazov dialect]. Izhevsk, 2003. S. 249–439. (In Russian and in Udmurt).
3. Alatyrev V.I. Sub"ektnaya deeprichastnaya konstrukciya i ee proiskhozhdenie [Subjective adverbial construction and its origin]. In: Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya [Finno-Ugric linguistics issues]. Izhevsk, 1967. Vyp. 4. S. 53–68. (In Russian).
  4. Alatyrev V.I. Vvedenie [Introduction]. Pervaya nauchnaya grammatika 1775 goda i razvitie udmurtskogo yazykoznaniya [The first scientific grammar of 1775 and the development of Udmurt linguistics]. In: 200 let udmurtskoj pis'mennosti [200 years of Udmurt writing]. Izhevsk: Udmurtiya, 1975. S. 13–15. (In Russian).
  5. Astalosh E.E. Pozicii sfokusirovannogo ob"ekta v udmurtskom yazyke [Focused Object Positions in Udmurt]. In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Finno-Ugric Studies Yearbook]. Izhevsk, 2012. №4. S. 7–12. (In Russian).
  6. Bulychev M.N. Poryadok slov v udmurtskom predlozhenii [Word order in the Udmurt sentence]. Izhevsk: Udmurtgosizdat, 1947. 86 s. (In Russian).
  7. Vereshchagin G.E. Rukovodstvo k izucheniyu votskogo yazyka [A guide to learning the Vot language]. Izhevsk: «Udkniga», 1924. 120 s. (In Russian).
  8. Vereshchagin G.E. Sobranie sochinenij: V 6 t [Collected works: In 6 vol.]. In: T. 6. Kn. 1: Trudy po yazykoznaniyu [Vol. 6. Book 1: Works on linguistics]. Izhevsk, 2002. 291 s. (In Russian).
  9. Glavatskih A.I. Udmurt grammatika: shor yozo shkolyayn 5 araz dyshetskoy kniga. 1-ti lyuket: Morfologiya [Udmurt grammar: a book for students in the 5th grade of secondary school. First part: Morphology]. Izhkar: Kunlen udmurt kniga pottonez, 1933. 94 s. (In Udmurt).
  10. Glezdenev P.P. Kratkaya grammatika yazyka naroda Udmurt [Brief grammar of the Udmurt people's language]. Vyatka, 1921. 55 s. (In Russian).
  11. GSUYa 1970 – Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya [Grammar of the modern Udmurt language. Simple sentence syntax]. Izhevsk: Udmurtiya, 1970. 252 s. (In Russian).
  12. GSUYa 1974 – Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo predlozheniya [Grammar of the modern Udmurt language. Complex sentence syntax]. Izhevsk: Udmurtiya, 1974. 168 s. (In Russian).
  13. Evang. Gl. – Gospoda nashego Iisusa Hrista Evangeliya ot sv. Evangelistov Matfeya i Marka na ruskom i votyackom yazykah, Glazovskago narĕchiya [Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. of the Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votsk languages, of Glazov dialect]. Kazan'. 138 s. In: Pervye pechatnye knigi na udmurtskom yazyke: Glazovskoe narechie [The first printed books in the Udmurt language: Glazov dialect]. Izhevsk, 2003. S. 13–386. (In Russian and in Udmurt).
  14. Evang. Sar. – Gospoda nashego Iisusa Hrista Evangeliya ot sv. Evangelistov Matfeya i Marka na ruskom i votyackom yazykah, Sarapul'skago narĕchiya [Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. of the Evangelist Matthew in Russian and Votsk languages, of Sarapul dialect]. Kazan'. 234 s. In: Pervye pechatnye knigi na udmurtskom yazyke: Sarapul'skoe narechie [The first printed books in the Udmurt language: Sarapul dialect]. Izhevsk, 2003. S. 11–248. (In Russian and in Udmurt).
  15. Emel'yanov A.I. Grammatika votyackogo yazyka [The grammar of the Votyak language]. L: Izd-vo Leningrad. Vost. In-ta, 1927. 160 s. (In Russian).
  16. Zhujkov S.P. Osnovy grammatiki udmurtskogo yazyka [Fundamentals of Udmurt grammar]. Izhevsk: Udmurtgosizdat, 1937. 48 s. (In Russian).
  17. Kel'makov V.K. Obrazcy udmurtskoj rechi. Severnoe narechie i sredinnye govory [Samples of the Udmurt speech. Northern and middle dialects]. Izhevsk: Udmurtiya, 1981. 300 s. (In Russian).
  18. Kel'makov V.K. Predislovie [Foreword]. In: Permistika 2: Vihmann i permskaya filologiya: Sbornik statej [Permistics 2: Wichmann and Perm Philology: Collection of articles]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN SSSR, 1990. S. 3–6. (In Russian).
  19. Mogilin M. Kratkoj otyackiya Grammatiki opyt = Opyt kratkoj udmurtskoj grammatiki [Experience in concise Udmurt grammar]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1998. 203 s. (In Russian).
  20. Perevoshchikov P.N. Slozhnopodchinennye predlozheniya v udmurtskom yazyke [Complex sentences in the Udmurt language]. Izhevsk, 1939. 75 s. (In Russian).
  21. Perevoshchikov P.N. Soyuzy podchineniya v udmurtskom yazyke: Funkcii i proiskhozhdenie soyuzov shusa, bere, dyr"ya [Conjunctions of Subordination in the Udmurt Language: Functions and Origin of the Conjunctions shusa, bere, dyr"ya]. M. 1946. 221 s. (In Russian).
  22. Perevoshchikov P.N. Pryamaya i kosvennaya rech' v udmurtskom yazyke [Direct and indirect speech in the Udmurt language]. In: Zapiski UdNII [Notes of the Udmurt Research Institute]. Izhevsk, 1951. Vyp. 15. S. 155–192. (In Russian).
  23. Perevoshchikov P.N. O nekotoryh sintaksicheskikh konstrukciyah v udmurtskom yazyke [Some syntactic constructions in the Udmurt language]. In: Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues]. Izhevsk, 1952. № 26. S. 103–119. (In Russian).
  24. Perevoshchikov P.N. Perekhodnye konstrukcii v udmurtskom yazyke i znaki prepiniyaniya v predlozheniyah s etimi

- konstrukcijami [Transitional constructions in the Udmurt language and punctuation marks in sentences with these constructions]. In: Zapiski UdNII [Notes of the Udmurt Research Institute]. Izhevsk, 1955. Vyp. 17. S. 170–176. (In Russian).
25. Perevoshchikov P.N. Deeprichastiya i deeprichastnye konstrukcii v udmurtskom yazyke [Adverbial participles and adverbial constructions in the Udmurt language]. Izhevsk: Udm. kn. izd-vo, 1959. 328 s. (In Russian).
  26. Perevoshchikov P.N. Rol' russkogo yazyka v razvitii kul'tury udmurtskogo naroda [The role of the Russian language in the development of the culture of the Udmurt people]. Izhevsk, 1963. 33 s. (In Russian).
  27. Ponaryadov V.V. Poryadok slov v permskih yazykah v sravnitel'no-tipologicheskom osveshchenii: Prostoe predlozhenie [Word order in Permian languages in comparative typological coverage: Simple sentence]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.02. Syktyvkar, 2001. 179 s. (In Russian).
  28. Ponaryadov V.V. Poryadok slov v permskih yazykah v sravnitel'no-tipologicheskom osveshchenii (prostoe predlozhenie) [Word order in Permian languages in comparative typological coverage (simple sentence)]. Syktyvkar, 2010. 120 s. (In Russian).
  29. Serebrennikov B.A. O nekotoryh harakternyh osobennostyah drevnego sintaksisa yazyka komi [On some characteristic features of the ancient syntax of the Komi language]. In: SFU [Soviet Finno-Ugric Studies]. 1967. № 2 (III). S. 101–106. (In Russian).
  30. Serebrennikov B.A. Sintaksis drevneudmurtskogo yazyka sintaksis tyurko-tatarskogo tipa [Syntax of the Old Udmurt language syntax of the Türko-Tatar type]. In: Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo yazyka: Sb. Statej [Issues on phonetics and grammar of the Udmurt language: Collection of articles]. Ustinov, 1986. S. 116–123. (In Russian).
  31. Sochineniya 1775 – Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatikѣ votskago yazyka [Compositions belonging to grammars of the Russian language]. Sanktpeterburgѣ, 1775. 113 s. In: Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka [The first scientific grammar of the Udmurt language]. Izhevsk, 1975. S 3–15 + 113 + 17. (In Russian).
  32. Timerhanova N.N. Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnymi vremeni, usloviya, uslovno-vremennymi, sopostavitel'nymi v udmurtskom i russkom yazykah [Complex sentences with subordinate clauses, conditions, conditional, comparative in Udmurt and Russian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg, 1998. 25 s. (In Russian).
  33. Timerhanova N.N. Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnymi vremeni, usloviya, uslovno-vremennymi, sopostavitel'nymi v udmurtskom i russkom yazykah [Complex sentences with subordinate clauses, conditions, conditional, comparative in Udmurt and Russian]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg, 1998a. 203 s. (In Russian).
  34. Shutov A.F. Absolyutnye oboroty v udmurtskom yazyke [Absolute constructions in the Udmurt language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva: AN SSSR, In-t yazykoznanija, 1979. 21 s. (In Russian).
  35. Shutov A.F. Pervym udmurtskim knigam – 150 let [The first Udmurt books are 150 years old]. In: Linguistica Uralica. T. 33. № 3. 1997. S. 214–217. (In Russian).
  36. Shutov A.F. Gipotaksis v udmurtskom yazyke: posobie dlya studentov po sintaksisu [Hypotaxis in the Udmurt language: a guide for students on syntax]. Izhevsk: Udmurt. un-t, 1999. 101 s. (In Russian).
  37. Shutov A.F. Puti razvitiya gipotakticheskikh otnoshenij v udmurtskom yazyke [Ways of developing hypotactic relations in the Udmurt language]: diss. ... dokt. filol. nauk: 10.02.02. Izhevsk, 2002. 305 s. (In Russian).
  38. Yashina R.I. Izuchenie sintaksisa udmurtskogo yazyka v sovetskij period [Studying the syntax of the Udmurt language during the Soviet period]. In: SFU XIII [Soviet Finno-Ugric Studies]. №2. 1977. S. 138–143. (In Russian).
  39. Aminoff T.G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos [Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка]. In: Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1896. Vol. 14/2. S. 1–48. (In Finnish).
  40. Aminoff T.G. Votjakilaisia kielinäytteitä [Образцы удмуртской речи]. In: JSFOu. (Helsinki) 1886. S. 32–55. (In Finnish).
  41. Asztalos E.E. Szörendi típusváltás az udmurt nyelvben [Изменение порядка слов в удмуртском языке]. Doctori disszertáció. Budapest, 2018. 231 Ol. (In Hungarian).
  42. Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne [Структура и развитие пермских языков]. Helsinki, 2000. 372 s. (In Finnish).
  43. Beke Ö. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugischer Sprachen [Тюркское влияние на синтаксис финно-угорских языков]. In: KSz. 1914–1915. XV. S. 1–77. (In German).
  44. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok [Вотяцкие научно-поэтические традиции]. Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1887. 351 Ol. (In Hungarian).
  45. Munkácsi B. A votják nyelv szótára: Lexicon linguae Votiacorum [Словарь вотяцкого языка]. Budapest, 1896. 836 Ol. (In Hungarian).
  46. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Votjaken [Народные традиции и народная поэзия вотяков]. MSFOu 102. Herausgeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952. 715 s. (In German).
  47. Redei K. Russische Einflüsse in den permischen Syntax [Влияние русского языка на синтаксис пермских языков]. In: Symposion über Syntax der uralischen Sprachen [Симпозиум по синтаксису уральских языков]. Göttingen. 1969. S. 154–160. (In German).
  48. Wichmann Y. Votjakische Sprachproben, I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche [Образцы удмуртской речи I:

- Песни, молитвы, заговоры]. Helsingfors, 1893. XX, 199 s. (In German).
49. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben, II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen [Образцы удмуртской речи II: пословицы, загадки, сказки, легенды, рассказы]. In: JSFOu. Helsingfors. 1901. IV, 48 s. (In German).
50. Wiedemann F.J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche [Грамматика вотяцкого языка с небольшим вотячко-немецким и немецко-вотяцким словарем]. Reval, 1851. 390 s. (In German).
51. Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen [Грамматика зырянского языка с экскурсом в его диалекты и удмуртский язык]. SPb, 1884. 255 s. (In German).
52. Winkler E. Udmurtische Grammatik [Грамматика удмуртского языка]. Wiesbaden, 2011. 181 s. (In German).
53. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische [Урало-алтайская языковая семья: финский язык и японский]. Berlin, F. Dümmler, 1909. 316 s. (In German).

Received 13.02.2021

Kondratieva N.V., Doctor of Philology, Professor at Department of General and Finno-Ugric Linguistics
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Utkina A.F., Research Assistant
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
Lomonosov's st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: sandra199608@rambler.ru